

А. И. Кузнецова

**КАКИМ МОЖЕТ БЫТЬ СТАТУС
ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ И ИРРЕАЛИСА?
(к постановке вопроса)**

В статье рассматриваются (на материале некоторых уральских языков) возможные варианты трактовки статуса эвиденциальности / ирреалиса: грамматическая, словообразовательная, лексико-семантическая категории или формы эвиденциальной семантики. Так называемое II прошедшее время в пермских языках может быть интерпретировано по-разному: как грамматическая категория эвиденциального наклонения, как особая категория времени-наклонения (подобно тому, как ее оценивают в ненецком, энецком и нганасанском языках) или как лексико-семантическая (лексико-синтаксическая) категория неочевидности с разновидностями квотатива, адмиратива, аудитива и т. п. семами эвиденциальности. Лингвист должен обязательно оговаривать специфику собственного подхода к решению данного вопроса, так как незнание позиции автора в той или иной конкретной работе может пагубно сказаться на результатах типологического исследования.

В 1950—1960-е гг. (а в зарубежной лингвистике и в более ранние годы) в области грамматических исследований преобладала формальная точка зрения: основное внимание привлекало к себе план выражения при незначительном интересе к семантике морфем. К концу тысячелетия фокус внимания при анализе грамматических категорий сместился в сторону плана содержания (нередко при отрыве от плана выражения). Активно стала изучаться семантика грамем, был достигнут заметный прорыв в этой области. Однако в последнее время в результате активизации типологических изысканий стало обнаруживаться немало противоречий в трактовке отдельных грамматических категорий в языках мира и особенно в интуитивной (часто подводящей человека) интерпретации грамматических значений: связано это с тем, что когда-то единое (инвариантное, иначе прототипическое) значение морфем стало дробиться на более мелкие семы. Все чаще и все к большему числу бес-

спорных и однозначных, как казалось раньше, грамматических категорий применяются термины «кумуляция грамматических значений», «транспозиция категорий». В огромном количестве языков в той или другой морфеме возникает целый пучок различных значений, их пересечения. То и дело появляется соблазн говорить о существовании еще одной грамматической категории и об омонимии морфем. В современной лингвистике исправить директивным путем неупорядоченность грамматической терминологии не представляется ни разумным, ни возможным, а наличие терминологической неоднозначности затрудняет разрешение многих проблем, в том числе — вынесенных на обсуждение в данной статье.

Первый термин («эвиденциальность»; в русском переводе «засвидетельствованность») зафиксирован в широко известной статье Р. О. Якобсона 1957 г. (Якобсон 1972: 95—113), тогда как второй («ирреалис») в ней отсутствует. Р. О. Якобсон вынес категорию «засвидетельствованность / эвиденциальность» за рамки наклонения и всех остальных перечисленных им девяти категорий. Зато термин «ирреальное наклонение» (при отсутствии термина «эвиденциальность») помещен в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой 1966 г. и объясняется не только как форма наклонения, указывающая, что «действия нет в действительности» и оно не может произойти (Ахманова 1966: 248), но конкретно как форма сослагательного наклонения со значением неочевидности происходящего (например, во фразе типа *если бы я был на Вашем месте, я бы попробовал это сделать*). Следует учитывать также отсутствие однозначного соответствия русской и английской лингвистической терминологии, на что неоднократно обращали внимание многие специалисты (см., например, Скрибник 1998: 206). В частности, нет однозначного соответствия терминов «наклонение» и «модальность» в русском языке и терминов «mood» и «modality» в английском языке. Не ставя перед собой задачу окончательного определения статуса категорий эвиденциальности и ирреалиса, можно лишь попытаться суммировать имеющиеся факты и взгляды и предложить еще одну трактовку данных понятий, ориентируясь на материал уральских языков.

Результаты могут быть различны в зависимости от выбранной лингвистом точки отсчета, а именно, — будет ли браться за основу формальная выраженность той или иной категории в языке, или семантическая. В свою очередь, внутри и того, и другого подхода также можно за исходный момент брать различные явления, рассматривая их с разных

сторон, устанавливая сеть отношений между этими явлениями. При наличии значительной семантической близости между эвиденциальностью и ирреалисом трудно однозначно определить их грамматический статус. По мнению Дж. Байби, высказанному в одной из ее поздних работ (Bybee 1998, в отличие от более ранних), с типологической точки зрения понятие ирреалиса является излишне широким и его нельзя отнести ни к модальности, ни к какой-либо другой категории, как, впрочем (добавлю от себя. — А. К.), и понятие эвиденциальности. Используя образное выражение Харуки Мураками, «*нереальное уже вроде как вытесняет, выдавливает собой реальность. Люди зачастую бывают рады убежать в нереальное, а всё потому, что им так кажется проще*» (Харуки Мураками. Охота на овец. Пер. Д. Коваленина. — СПб., 2002, с. 78).

Термин «категория эвиденциальности» (< evidence) означает в русском языке при буквальном переводе «категория очевидности». Однако реально термин «эвиденциальность» используется для обозначения категории с неясным статусом неочевидности, заглазости, засвидетельствованности (в том числе, — со значением источника сведений говорящего). Под засвидетельствованностью понимается «подтверждение чего-то», свидетелем чего сам говорящий не был, в чем нередко сомневается. Обсуждаемый здесь термин «эвиденциальность», с точки зрения формальной морфологии, часто оказывается связанным в один клубок с категориями времени, вида, наклонения, залога. В последнее время становится все более ясной связь обсуждаемой категории засвидетельствованности с таксисными отношениями, что с легкостью может быть выведено из заслуживающей внимательного прочтения статьи В. С. Храковского (2003).

С точки зрения семантической, у эвиденциальности особенно много пересечений с другими наклонениями (например, с категориями императива, кондиционала, конъюнктива), в семантике которых есть некая гипотетичность, неочевидность, неопределенность, нереальность. Их общие значения образуют бесконечный континуум, причем сами значения далеко не всегда получают грамматическую выраженность: нередко неочевидность, недостоверность, нереальность происходящего передается лексическими средствами. Эвиденциальность можно, с одной стороны, считать наклонением, находящимся в оппозиции с индикативом, и одновременно, с другой стороны, — гиперкатегорией, в системе которой будут находиться разные грамматические категории, частично совпадающие друг с другом семантически (все они передают

действия неочевидные). Если субкатегории (разные в разных языках, например, аудитив, квотатив и др.) имеют формальные показатели, они будут, как и гиперкатегория эвиденциальности, грамматическими категориями. Тем не менее, большая зона семантического варьирования в пределах эвиденциальности не оформляется грамматически, а представляет собой зону чисто лексических разновидностей, выявляемых на уровне предложения. Такого рода варианты эвиденциальности нередко называются «семами» или функциями данной гиперкатегории; они характеризуются наибольшей субъективностью по сравнению с грамматическими (суб)категориями. При отсутствии формальных показателей вряд ли можно говорить о грамматической категории эвиденциальности.

Среди одних субкатегорий эвиденциальности можно установить иерархию, а названия других имеют дублиеты, встречающиеся в работах представителей разных направлений: (ад)миратив, квотатив ~ ренарратив ~ цитатив, императив ~ хортатив ~ юссив, оптатив, нарратив ~ латентив, потенциалис, прохибитив (отрицательный императив), аудитив ~ акцептив, инференциал ~ пробабилитив, дебитив, кондиционал, интеррогатив, пермиссив ~ конъюнктив, делибератив и др.¹ Важно помнить, что в одних языках перечисленные термины будут означать грамматические категории, а в других — семантические оттенки (семы) какой-либо одной-двух категорий. С определенными оговорками для второго члена оппозиции «индикатив / эвиденциальность» с семантической точки зрения может подойти термин «ирреалис», но тогда первый член логично назвать «реалисом», чему воспрепятствует традиция. Одновременно в языках мира существует немало категорий, относящихся к сфере модальности, семантика которых не ограничивается противопоставлением очевидности и неочевидности, а имеет в качестве преобладающих иные семы. Вне бинарной оппозиции, например, может остаться императив, которому наряду с присущими только ему значениями свойственны и значения эвиденциальности.

Таким образом, в рамках категории наклонения (модальности) ориентация на семантику и способы выражения грамматической категории

¹ Среди множества наклонений, известных в языках мира, можно упомянуть *modus obliquus* — предположительное наклонение в эстонском языке (Языки мира. Уральские языки, 1993: 121, 125), которое семантически может быть сближено с категорией эвиденциальности, а грамматически имеет совпадение с 3 л. императива.

теоретически позволяет выделить бинарную оппозицию индикатива / эвиденциальности (или в других терминах: очевидности (реальности, достоверности, доказанности и т. п.)) / неочевидности (нереальности, недостоверности, недоказанности, «заглазости» и т. п.) происходящих событий. Внутри этих двух основных категорий наклонения могут существовать (как уже упоминалось) субкатегории, создающие переходную зону с разной степенью размытости границ между смежными областями. Например, то, что часто называют квотативом, обладает разной степенью достоверности, как и аудитив, но далеко не всегда семантика коррелирует с формальным различием (или неразличением) этих субкатегорий, что не учитывать нельзя. В мире есть языки, имеющие определенные особые средства выражения как индикатива, так и эвиденциальности. Эти средства могут быть и синтетическими, и аналитическими. В других случаях специальные показатели есть только для индикатива или только для эвиденциальности, нередко называемой ирреалисом. (О соотношении терминов «эвиденциальность» и «ирреалис» будет сказано позже.)

Исходя из анализа ряда уральских языков, эвиденциальность (как неочевидность) можно считать разновидностью категории наклонения. Однако, применительно ко многим уральским языкам не меньше оснований говорить о кумулятивной категории совершенно иного рода, например, категории времени-наклонения, о чем писали исследователи самодийских языков, в частности, энецкого (Сорокина 1975, 1980; Кюннап 2002) и нганасанского (Хелимский 1994). В нганасанском языке Н. М. Терещенко (1973) подчеркивала наличие в побудительном наклонении формы только 1-го лица всех трех чисел (SG, DU, PL), которые как бы дополняют собой отсутствующую форму 1-го лица в императиве (повелительном наклонении). Подобные дефектные (с точки зрения формы) парадигмы отмечаются в прибалтийско-финских языках, где выделяется самостоятельное наклонение юссив (также дополняющее императив) в ливском языке (о чем в последнее время много говорят). По мнению Петера Кехайов, сравнивавшего эвиденциальность в болгарском и эстонском языках, в эстонском языке субъективное отношение говорящего к источнику информации эксплицитно не выражено, и эстонская система ограничена функцией квотатива в отличие от болгарской, где помимо квотатива есть функции адмиративные и инференциальные. При этом исследователь отмечает, что эвиденциальность в болгарском является результатом взаимодействия ее с видом и временем, но подобная связь

отсутствует в эстонском языке (Кеһајов 2002). Взаимосвязь времени и наклонения в энецком и нганасанском, с одной стороны, и связь эвиденциальности с видом и временем в болгарском языке, с другой стороны, заставляет задуматься о статусе самой эвиденциальности: будет ли это грамматическая категория или какая-то особая оценочная (локутивная) лексико-семантическая категория, наслаивающаяся на разные грамматические категории типа времени, вида, наклонения, залога? Не исключено, что в ряде языков эвиденциальность может быть самостоятельной категорией со значением неочевидности и специфичным только для нее способом выражения.

Аго Кюннап в статье об эвиденциальности в энецком языке (Кюннар 2002) называет эвиденциальность грамматической категорией, в отличие от Р. О. Якобсона, который, выведя ее за пределы времени и наклонения, сблизил с семантикой. А. Кюннап в рассматриваемой «облигаторной грамматической категории» (как он назвал эвиденциальность в энецком языке) выделяет (в соответствии с тремя суффиксами) три вида данной категории энецкого языка: аудитив, нарратив (~ квотатив) и пробабилитив (выполняющий инференциальную функцию), являющиеся, по сути, модальными субкатегориями. В самодийских языках наклонения образуются, как правило, синтетически с помощью разных суффиксов и одинаковых (за редким исключением) для всех времен окончаний. В других уральских языках возможны и аналитические способы образования наклонений.

Для разных языков могут быть различные наборы категорий, лишь частично пересекающиеся. В таком случае особенно осторожно нужно обращаться с терминами, а при типологических исследованиях учитывать, насколько различны системы, из которых изымаются для сравнения категории, интересующие лингвиста-типолога. Возможно, прав был Р. О. Якобсон, который предлагал категорию эвиденциальности вынести за пределы времени, и наклонения. Но тогда, что же это за категория? Может, новая категория (далеко не для всех языков облигаторная, с рядом субкатегорий) — «источник знания, источник информации о событиях, выраженных глаголом»? Учитывая современную терминологию, не назвать ли ее чем-то вроде «сурситив»? Или, учитывая отношение говорящего к получаемой информации (иногда доверчивое, а порою скептическое), ей можно дать еще какое-то наименование? Строго говоря, эвиденциальность нельзя считать

грамматической категорией, если (когда) она не имеет грамматического способа выражения, а имеет только формы эвиденциальной семантики, различные смысловые оттенки глаголов, передающих те или иные действия и события.

Определение статуса индикатива / эвиденциальности (последней как обобщающего наименования всех категорий наклонения, имеющих сему неочевидности происходящего) — вопрос окончательно не решенный хотя бы потому, что при сопоставлении категории эвиденциальности с ирреалисом следует установить, считать ли эвиденциальность самостоятельной категорией или она совпадет с ирреалисом, создав, таким образом, еще один дублирующий термин? А если не совпадает, то в чем (и где) их различия? Скорее всего, эвиденциальность и ирреалис, подобно многим другим категориям, имеют частичные семантические пересечения.

Едва ли не в половине уральских языков в индикативе существует по два прошедших времени, называемых «очевидным» и «неочевидным». Их показатели формально различны (по крайней мере, для 2-го и 3-го лица), однако у говорящих при употреблении этих времен часто возникают сбои, которые связаны с семантической интерпретацией события.

До последнего времени в коми языкознании фактор очевидности считался универсальным параметром разделения семантики I и II прошедших времен. При описании очевидных ситуаций затруднения обычно отсутствуют, но при оценке действий неочевидных они усиливаются, в том числе, в рамках императива или условного наклонения. При наличии последнего важно учитывать соотношение таксисных форм, одна из которых является зависимой, другая — независимой, опорной, на что обращали внимание Ю. С. Маслов, В. С. Храковский и др. Точно так же давно уже стало ясно, что в регуляции употребления времен в речи выступает ряд факторов, зависящих не только от функционального стиля и установки автора / повествователя, что неоднократно отмечал исследователь коми глагола Е. А. Цыпанов (2002), но и от видо-временной системы языка, то есть от аспектуальности и времени.

I прошедшее время может выражать и неочевидные для говорящего действия. Данный факт Е. А. Цыпанов объясняет главенствующей в этом случае ролью факторов уверенности, доверительности к источнику сведений (в качестве примеров приведены фразы из газеты, художественного текста и научно-методической работы, что, скорее, должно вызвать у

читающего сомнение, чем доверие). Возможно и другое объяснение: это влияние русского языка (особенно языка СМИ), где нет прошедшего неочевидного времени, как в коми языке. Автор считает, что «эвиденциальность остается еще ключевым фактором при употреблении I и II прошедших времен в разговорно-бытовой речи» (Цыпанов 2002: 26). Учитывая не только синтетические, но и аналитические формы образования времен, Е. А. Цыпанов перечисляет одиннадцать разновидностей времен в современном коми языке, не давая никаких комментариев к своему списку и не делая никаких выводов. В интерпретации Е. А. Цыпанова система глагольной темпоральности имеет следующий вид: презент, I и II будущее, претерит, модальный перфект, прошедшее длительное незавершенное (имперфект), плюсквамперфект, прошедшее незавершенное неочевидное, прошедшее завершенное неочевидное, прошедшее многократное незавершенное, прошедшее многократное неочевидное.

Внимательное рассмотрение данного реестра позволяет обнаружить любопытную взаимозависимость времени, аспекта, формы их выражения и семантической зоны — эвиденциальности (далее все примеры взяты из работ Е. А. Цыпанова).

(1) Синтетически образуются:

настоящее время (*Вöвъ-яс моз и ол-ам. Сё-ям, уз-ям да тільс-ям* ‘Как лошади и живем. Едим, спим и трудимся [= бьемся в нужде]’);

I будущее (*Ичöт морт, а гуас лёка уна ну-ас!* ‘Маленький человек, а в могилу довольно много унесет [с собой]’);

I прошедшее (претерит) с временными подзначениями (недавно прошедшего, давнопрошедшего, относительно прошедшего, прошедшего в будущем и сравнительного), а также со значениями эвиденциальности: обще-нарративное, неочевидно-уверенное, или доверительное (*Мый ме кер-и, мый ме кер-и — Богатöй сайö пет-и* (к.-перм.) ‘Что я (с)делала, что я (с)делала, За богатого (вы)шла’);

II прошедшее время, в котором выделяются подзначения результативности (наглядной, личной, сравнительной), нарратива, адмиратива, неочевидно-предположительное и обще-повествовательное (*Шуöны мый менам бать-öй кул-öма кор меным вöли кык или куим арöс* ‘Говорят, что мой отец-мой умер, когда мне было два или три года’; *Степан вöллöма начальник-өн и тани, Лымваын* ‘Степан [вроде] был начальником и здесь, в Лымве’).

(2) Аналитически образуется семь времен:

III прошедшее = прошедшее незавершенное (имперфект), образующийся сочетанием глагола *вѳлі* + спрягаемые глаголы в формах настоящего времени, например: *Йѳла мѳс вѳл-і, но рѳдтѳ эз сет. Пыр бычѳ вѳл-і вай-ѳ* 'Удойная корова была, но потомства не дала. Всегда бычков [бывало] рожала'.

IV прошедшее (плюсквамперфект) образуется глаголом *вѳлі* + спрягаемые глаголы в формах II прошедшего времени: *ѳти рытѳ кильчѳ вылын пукаліс Машѳ да вѳл-і вѳйтч-ѳма сьѳкыд мѳвпъяс пытшикѳ* 'В один вечер на крыльце сидела Маша и **погрузилась** [было] в свои мысли' (*пытшикѳ* — послелог со значением 'во что-либо').

V прошедшее (*вѳлѳм* + спрягаемые формы глагола в настоящем времени) = эвиденциальное незавершенное прошедшее: *Тунъяс. Найѳ вѳл-ѳм быдторсѳ тѳд-ѳны* 'Колдуны. Они [будто] всё знали'. Компонентами аналитических сказуемых могут быть частицы, связанные по своему происхождению с разными частями речи, в том числе и с глаголами.

VI прошедшее время = эвиденциальный плюсквамперфект (*вѳлѳм* + II прошедшее время): *Егор Сава вѳл-ѳм мун-ѳма зятъыскѳд вѳрасъны арся вѳрѳ* 'Савва Егорович **ушел** [оказывается] с зятем охотиться в осенний лес'.

VII прошедшее время (*вѳлі* + I будущее время): *А кор воас рытыс, тиай юѳм бѳрын дедѳ пукс-яс вѳл-і аслас кока 'Зингер' машинка сайѳ* 'А когда наступит вечер, после выпитого чая дед-мой **садился** [бывало] за свою ножную машинку Зингер'.

VIII прошедшее время (*вѳлѳм* + I будущее время): *Гѳль велѳдчысьяс-студентъяс вѳл-ѳм чукѳртч-асны морт вит-дас, дай олѳны ѳтув*. 'Бедные учащиеся студенты, **бывало, соберутся** человек пять-десять и живут вместе'.

II будущее время (инфинитив + формы спрягаемого глагола): *Пукалам рытнас: кыдзи но мися пузчужѳм кагананыс велѳдчы-ны кут-асны* 'Сидим вечером: как же, мол, [говорю] с новорожденным ребенком [они] **учиться будут**'. Подобное будущее время, представленное и в латыни, обычно называется *Futurum exactum* (или относительное будущее) и имеет сему неопределенности, неуверенности.

В коми языке, как видно из приведенных примеров и характеристик синтетических и аналитических способов образования разных времен, можно выделить восемь прошедших времен (при общем количестве 11 времен), из которых шесть образуются аналитическими способами (седьмое аналитическое время – II будущее). Среди них обращает на себя внимание II прошедшее время, официально признаваемое всеми (и научными, и практическими) грамматиками, которое является «службой двух господ», обслуживая два наклонения (индикатив и эвиденциальность) и создавая, таким образом, переходную зону между индикативом и собственно эвиденциальностью. Одновременно бросается в глаза, что формы на *-õма* могут быть синтетическими, передавая действие как очевидное и достоверное, и аналитическими, представляя действие как неочевидное. Эта ситуация характерна и для литературного коми языка, и для его диалектов.

Носители печорского диалекта из с. Еремеево (далее приводятся примеры, собранные автором статьи в полевых условиях. — А. К.) четко различают, когда употребляется форма *немд-іс* ‘стемнело’ (простая констатация, I прошедшее), а когда *немд-õма* (II прошедшее) ‘давно стемнело, смерклось’; *югд-іс* ‘рассвело’, а *югд-õма* ‘давно рассвело’. Второй вариант обычно встречается в рассказах, в сказках. Интересно, что формы на *-õма* достаточно часты в пословицах и поговорках, известных и в с. Еремеево, например: *Ытвa некод на абу ныклõма* ‘Половодье никто еще не удерживал’; *Мый сэтшõм гажтõм, али табакыд бырõма?* ‘Что такой унылый, или табак-твой вышел?’ В приведенных примерах II прошедшее время индикатива означает действие далекое, но достоверное для говорящего, в отличие от фраз, где прошедшее время выражено аналитически (см. примеры выше из работ Е. А. Цыпанова). Е. А. Цыпанов приводит также примеры с функционированием форм на *-õма* иногда как причастий, а изредка как глаголов, передающих результат какого-то действия и вместе с тем непричастность к нему говорящего. Слова с данным суффиксом могут не только выступать в функции то причастия, то глагола, но и представлять собой кумулятивную единицу со значением II прошедшего времени индикатива или неочевидного наклонения. Например, в предложении *пачõй вайм-õма* ‘печь догорела’ речь может идти как о констатации факта (индикатив), так и о поразившем пришедшего результате. В этом втором случае засвидетельствовано удивление говорящего, неожиданный для него результат; семантическая зона наклонения (в данном случае именно только семантическая)

будет адмиратив. Точно так же приведенные ранее формы *немд-õма*, *югд-õма* могут относиться к семантической зоне неочевидности (например, адмиратива или квотатива), но понять это можно лишь по расширенному контексту, соответствующему определенной ситуации, например: спящего будят и сообщают, что давно рассвело, чего он не знал. Разбуженный говорит кому-то третьему: *мне сказали, что давно рассвело, а я и не подозревал* и т. п. Аналогичный пример *Тшõкаам зõртусь кышкõ ловõма / лõма* 'На моей щеке бородавка **появилась** [откуда-то, неожиданно]' тоже демонстрирует удивление говорящего, одновременно (как и в предыдущем случае) свидетельствуя о возможной трактовке глагольного суффикса как показателя единой кумулятивной категории времени-наклонения.

Можно выдвинуть и другую гипотезу: неочевидное наклонение, имеющее несколько сем, передается лишь одной формой времени, а категория II прошедшего времени «обслуживает» два наклонения, создавая переходную зону. Во фразах *Батьõй шуис мый пачõй ваймõма* 'Отец-мой сказал, что печь-моя догорела' и *Менам висталисны код-кõ аддзылõма ошкõс* 'Мне рассказывали, кто-то видел медведя', мы одновременно имеем дело явно с разновидностью II прошедшего времени неиндикатива, а неочевидного наклонения, которое часто называют пересказывательным, или квотативом, и где в показателе *-õма* сопряжены сразу два значения: времени и наклонения. Наконец, необходимо добавить, что информанты настойчиво говорили, что в форме 1 SG недопустимо употребление неочевидного прошедшего, и отказывались переводить с данным суффиксом глагол в предложениях типа 'Я во сне разговаривала (кажется), как сказала мне сестра'. В коми-зырянском, следовательно, существует дефектная парадигма II прошедшего времени в отличие от бесермянского диалекта удмуртского языка, о чем будет сказано дальше. По твердому убеждению информантов, носителей языка из с. Еремеево, недопустимо употребление неочевидного прошедшего в 1 SG (как и в литературном коми).

Если еще раз обратиться к реестру одиннадцати временных форм коми языка, данных Е. А. Цыпановым, то можно отметить ряд корреляций (мимо которых прошел автор) между видом, аналитическими или синтетическими конструкциями, семантическими семами (очевидностью / неочевидностью) и временем.

По материалам работы Е. А. Цыпанова была составлена таблица 1, отражающая названную сеть отношений.

Таблица 1

Вид, способы его выражения и значение очевидности / неочевидности	Времена										
	Настоящее	Будущие		Прошедшие							
		I	II	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Несовершенный вид	+		+	+	+			+		+	
Совершенный вид		+		+	+		+		+		+
Синтетические формы	+	+		+	+						
Аналитические конструкции			+		+	+	+	+	+	+	+
Неочевидность			+	+	+	+	+	+	+	+	+
Очевидность	+	+	+	+							

Данная таблица наглядно демонстрирует высокую степень взаимозависимости неочевидности и глаголов, выраженных аналитическими способами. Значительно меньше корреляция эвиденциальности с глаголами, выраженными синтетически, причем, II прошедшее, выраженное синтетически, не является эвиденциальным с точки зрения говорящего. Таким образом, II прошедшее, выраженное синтетически, относится к индикативу (имеющему формы эвиденциальной семантики, но не грамматики! К этим семам относятся адмиратив, квотатив, аудитив² и некоторые другие), а выраженное аналитически и передающее неочевидность прошедшего, – к эвиденциальности как к особому наклонению, часто с теми же семами и с семью временами (одним будущим, шестью прошедшими при отсутствии настоящего).

Ситуация, аналогичная соотношению в коми языке рассмотренных категорий прошедших времен, хорошо описанных в последнее время Е. А. Цыпановым, в общих чертах совпадает с существующей и в дру-

² В некоторых языках, например, в селькупском, аудитив выражен грамматически, следовательно, его можно считать грамматической категорией, а не разновидностью эвиденциальности как чисто семантической категории. Правда, данная категория встречается уже очень редко.

гих пермских языках, что можно показать на примере бесермянского диалекта удмуртского языка, материал по которому собирался мною в ходе экспедиции в с. Шамардан Юкаменского района Удмуртской республики в 2003 г.

В отличие от коми языка, где во II прошедшем времени представлена дефектная парадигма с отсутствующей формой 1SG, в удмуртском литературном языке во II прошедшем времени возможна форма 1SG. Столь подробно разработанной системы прошедших времен, как это сделано в последние годы для коми языка, для удмуртского языка нет (наиболее подробно описаны времена в удмуртском языке у Б. А. Серебренникова, который выделил в нем шесть прошедших времен (Серебренников 1963: 231)). Однако хорошо известен факт передачи неочевидности, нереальности действия в прошедших временах с помощью аналитических конструкций. Кроме того, в удмуртском языке и его диалектах (в частности, в бесермянском диалекте, иногда претендующем на статус самостоятельного языка³) имеется группа глаголов, получившая наименование глаголов притворного (фиктивного) действия (Алатырев 1983: 583; Красильников 1992: 115—120; Кузнецова 2002: 261—271), у которых есть точки пересечения с эвиденциальными семами. Эти слова образуют едва ли не основной лексический фонд глаголов, описывающих неочевидные действия и имеющих категорию эвиденциальности, выраженную на словообразовательном уровне. Другие глаголы в форме неочевидного прошедшего употребляются со вспомогательным глаголом *valem*, который в большинстве случаев превращается в частицу.

В работе Т. И. Тепляшиной «Бесермянский язык» (1970) приводятся таблицы спряжения II прошедшего (неочевидного) времени. К сожалению, в качестве образца спряжения в одну парадигму вперемешку включены глаголы с разными корнями (то *təpənə*, то *vel'tənə*), которые в определенных конструкциях могут быть семантически различными (то притворного действия, то не фиктивные); примеров на них в контекстах нет. В результате весьма затруднительно представить себе полную картину бесермянской глагольной системы по данному описанию с точки зрения категории эвиденциальности.

³ Отсутствие достаточно веских аргументов в пользу одной из двух гипотез (следует ли говорить о бесермянском языке или диалекте) привели к обозначению соответствующего лингвистического казуса как «язык бесермян» (Языки народов России 2002: 46). Ср. аналогичное обозначение: тазов язык, шапсугов язык.

В бесермянском диалекте удмуртского языка неочевидность может быть выражена на уровне лексики, словообразования и грамматики. Средствами словообразования говорящий иногда пользуется в целях самоуничижения или, наоборот, самоутверждения, при очковитательстве, чего слушающий не подозревает. Часто глаголы приобретают смягчительный характер (типа русских *приболел, подпеваает, призадумался* и т. д.). В форме 1SG для говорящего действие глагола часто является неочевидным, но оно может быть очевидным для слушающего или наблюдающего описываемое событие. В 3SG и для говорящего, и для слушающего действие является всегда неочевидным. Особенно это касается глаголов, обозначающих природные явления типа *морозит, подморозило*. В этом случае можно говорить о семе дубитативной (по терминологии В. А. Плунгяна (2000: 317)), иначе — семе сомнения: *вроде, снег (дождь) идет* и др.

Глаголы, о которых идет речь, в удмуртских грамматиках квалифицируются как глаголы фиктивные или глаголы притворного действия. Их перевод на русский язык одним словом, как правило, невозможен. Они образуются с помощью суффиксов *-ськ-* и / или *-лля-* (в бесермянском диалекте им соответствуют *-šk-*, *-l'ʹa*⁴): *So juri višjamja-šk-e* (удм. *висьыны* 'болеть') 'Он нарочно **прикидывается больным**'; *So veralaz vičak səlam: 'Mi l'ukà-šk-emja-šk-i-šk-om kləbe*' (удм. *люкаськыны* 'собираться'). *A luka-šk-aljmo ədjg pəl arn'aas*. 'Он говорил повсюду всем: «Мы **собираемся [якобы, постоянно, часто]** в клубе. А **собирались [кажется]** раз в неделю»; *Soos vel't'i-l'ʹa-mzə (mənə-l'ʹa-mzə) kare* 'Они, **кажется [видимо], съездили [сходили]** в город' (удм. диал. *вельтыны*, лит. *ветлыны; мыныны*). *So vižtamja-šk-e* 'Он, **вроде, с ума сходит**' (*viž* 'ум'; удм. *визьтэммыны* 'помешаться, сойти с ума').

Возможны и аналитические конструкции в данной ситуации: *Menam karte višešja-šk-iz kare-šk-iz, užano tənəpə malə əz pot* 'Мой муж притворился больным [букв. '**приболел сделался**'], на работу идти не хотелось' [букв. 'настроение + не хотел']; *So užamja-šk-e kari-šk-e, ačis poməre əz kar, a tamak kəskis* 'Он **делал вид, что работает**, сам ничего не делал, а табак курил'.

Неочевидность для 1SG в отличие от литературного коми языка может выражаться грамматически, как и для 2-го и 3-го лиц (в том чис-

⁴ Для эрзянского языка в роли показателя II прошедшего времени выступает элемент *-li-*, который, по словам Б.А. Серебренникова, «обычно инфигируется перед показателем объекта» (Серебренников 1967: 202).

ле и аналитическими средствами). Это приметы так называемого II прошедшего (неочевидного) времени: *Gurme estasa kel'ti val, laktuška, no* — *kasam valem* 'Мою печь растопленной оставила, прихожу и — [она] погасла [оказывается]' (адмиратив); *Ton kema uži-šk-od valem. Mon tənad dorad ləktəli, ton užiškod val* 'Ты долго спишь, оказывается [выражение удивления]. Я к тебе приходил, а ты спала'. Глагол *val* в отличие от *valem* передает очевидность происходящего.

Нередко вспомогательный глагол *valem* 'бывал', как видно и из примеров, превращается в глагольную частицу, становясь компонентом аналитических сказуемых: *Tərtəm* (лит. удм. *чирдыны* 'петь', о птицах) *valem, təčalazə pe, madalazə pe, kiš kije kučkisa pe, šedolyzə pe* 'Пели, бывало, плясали, песни пели, хороводы водили, играли' (По уверению информанта, здесь *pe* — частица, подтверждающая давность событий. В удмуртском литературном языке *pe* означает 'дескать' (Алатырев 1983: 588)).

Таким образом, для ряда уральских языков можно говорить о существовании особой категории эвиденциального наклонения, выражаемого обычно аналитическими сказуемыми (в составе которых широко используются частицы⁵, связанные по происхождению со вспомогательными глаголами), реже — суффиксами. Эта категория характерна преимущественно для глаголов определенной семантической направленности (как и в удмуртском языке). Внутри данного наклонения можно выделить прошедшие и будущие времена, но не настоящее, всегда очевидное.

Наряду с эвиденциальным наклонением речь может идти о наложении эвиденциальной семантики (удивление, цитация, умозаключение и т. д.) и на другие наклонения — императив, кондиционал, оптатив и др. Что касается соотношения эвиденциальности и ирреалиса, то для уральских языков о категории ирреалиса обычно не говорят (в отличие, например, от яванского языка, в котором ирреалис — устоявшийся общепринятый термин, судя по описанию системы наклонений в Оглоблин 2004). Среди значений (сем), характеризующих ирреалис, есть семы, совпадающие с семами категории, называемой эвиденциальностью.

Обсуждаемые здесь термины «эвиденциальность» и «ирреалис» с точки зрения формальной морфологии часто оказываются связанными в

⁵ Использование частиц в качестве компонентов аналитических сказуемых со значением 'кажимость' отмечается и для тувинского языка (Монгуш 1998: 122—153).

один клубок с категориями времени, вида, наклонения и, возможно, залога, а с точки зрения семантической — имеющими общие значения со многими категориями, образующими бесконечный континуум. Многие вновь рожденные категории, например, прохибитив, известный и в латыни, и в русском и других языках, можно считать скорее чисто синтаксической категорией, чем морфологической (грамматические категории можно подразделять на морфологические и синтаксические или говорить о синтетических и аналитических грамматических категориях; среди первых с трудом будут выделяться категории типа эвиденциальности и ирреальности).

Таким образом, под термином «эвиденциальность» («ирреалис», «неочевидность», «нереальность») имеются в виду различные трактовки. При этом, как правило, лингвисты не оговаривают специфику собственного подхода к исследованию по сравнению с другими существующими точками зрения на эвиденциальность, что, естественно, приводит к смешению понятий, недопониманию того, что хотел сказать автор.

Далее суммируются обсуждавшиеся точки зрения на категорию эвиденциальности.

1. Эвиденциальность / ирреалис является семантико-(или лексико-) синтаксической категорией, передающей сомнение, неуверенность, предположение, недоверие и т. д. описываемых событий и реализуемой на уровне предложения (обычно сложного) с помощью различных по своему происхождению и функционированию в речи частиц, вводных слов. Такого рода эвиденциальность может быть предметом рассмотрения в работах по любому языку. Например, в русском языке в предложении типа *Он что-то говорил, кажется, про эту женщину: то ли у нее шубу украли, то ли она украла* можно найти сразу несколько сем эвиденциальности, выявляемых на лексическом уровне: квотатив (*он говорил*), дебитив (*кажется; то ли... то ли*) и т. п.

2. Одновременно с семантико-синтаксической категорией в языке может быть выделена и самостоятельная грамматическая категория эвиденциальности, если она имеет морфологический способ выражения. В этом случае возможна бифуркация решения.

С одной стороны, о категории эвиденциальности можно говорить как об особом наклонении применительно к формам неочевидных прошедших времен, выраженных аналитическим способом (в отличие от синтетического!) и передающих семы квотатива, адмиратива, аудитива и др. в некоторых пермских и волжских языках. В качестве самостоя-

тельной категории эвиденциальность будет иметь также пересекающиеся значения с другими категориями наклонения, такими как императив, оптатив и дебитив, там, где они есть.

С другой стороны, нередко в языках встречается кумулятивная категория времени-наклонения, в том числе с семами эвиденциальности, как в самодийских и (не исключено) в других финно-угорских языках, если смотреть на проблему эвиденциальности с позиции кумуляции значений. С этой точки зрения, можно, например, в коми языке интерпретировать категорию эвиденциальности не как категорию наклонения, а как кумулятивную категорию времени-наклонения, подобно тому, как это предлагается считать в ненецком, нганасанском, энецком языках.

3. Наконец, эвиденциальность можно оценивать и как лексико-грамматическую (точнее, словообразовательную) категорию, которая формально выражается глаголами, называемыми, например, в удмуртском языке, фиктивными или глаголами притворного действия. Все они сближаются по своей семантике с семами недостоверности, неочевидности, сомнения и т. п.

В свою очередь, если признать существование в качестве самостоятельных категорий ирреалис и эвиденциальность, то надо учитывать, что они имеют большие смысловые пересечения по отдельным языкам, хотя у них могут быть и значительные расхождения. По разным языкам

1) эвиденциальность и ирреалис в принципе составляют одну и ту же семантическую зону;

2) есть отдельные смысловые пересечения индикатива / эвиденциальности / ирреалиса;

3) эвиденциальность эквивалентна кумулятивной категории времени-наклонения;

4) выделение наклонений следует производить по формальным признакам (учитывая и их синтаксическое употребление); количество наклонений в разных языках будет разным. Накладывая на полученное пространство модальности семантическую сетку с ограниченным разбросом значений, можно избежать кумуляции значений.

Во избежание многих ошибок при типологических исследованиях, проводимых на материале большого количества незнакомых лингвисту языков, следует прежде всего основательно познакомиться с разными описаниями этих языков, затем попытаться отобрать наиболее достоверные источники и проверить отобранный материал с точки зрения его непротиворечивости.

Литература

- Алатырев В. И. 1983. Краткий грамматический очерк удмуртского языка // *Удмурт-ӝуч словарь. Удмуртско-русский словарь*. М.: Русский язык, 561—591.
- Ахманова О. С. 1966. *Словарь лингвистических терминов*. М.: СЭ.
- Красильников А. Г. 1992. Языковые структуры и 'когнитивная инерция' магического миропонимания (о возможной интерпретации категории фиктивности в удмуртском языке) // *Вестник Удмуртского университета*, № 5, 115—120.
- Кузнецова А. И. 2002. Категория неочевидности и возможности передачи ее в удмуртском и марийском языках // *Пермистика 9: вопросы пермской и финно-угорской филологии*. Ижевск: Удмуртский университет, 261—271.
- Кюннап А. 2002. Симпозиум, посвященный проблемам эвиденциальности // *Linguistica Uralica*, 2, 154—155.
- Монгуш А. Д. 1998. Частицы как компонент аналитических сказуемых (по материалам тувинского языка) // *Языки коренных народов Сибири*. Вып. 4. Новосибирск, 122—153.
- Оглоблин А. К. 2004. Древнеяванский ирреалис // *Наст. сб.*
- Плунгян В. А. 2000. *Общая морфология: Введение в проблематику*. М.: УРСС.
- Серебренников Б. А. 1963. *Историческая морфология пермских языков*. М.: Наука.
- Серебренников Б. А. 1967. *Историческая морфология мордовских языков*. М.: Наука.
- Скрибник Е. К. 1998. К вопросу о неочевидном наклонении в мансийском языке (структура и семантика) // *Языки коренных народов Сибири*. Вып. 4. Новосибирск, 197—215.
- Сорокина И. П. 1975. Морфология глагола энецкого языка. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Л.
- Сорокина И. П. 1980. Энецкий перфект // *Советское финноугроведение XVI*, 212—215.
- Тепляшина Т. И. 1970. *Язык бесермян*. М.: Наука.
- Терещенко Н. М. 1973. *Синтаксис самодийских языков. Простое предложение*. Л.: Наука.
- Хелимский Е. А. 1994. Очерк морфонологии и словоизменительной морфологии нганасанского языка // Е. А. Хелимский (ред.). *Таймырский этнолингвистический сборник*. Вып. 1. Материалы по нганасанскому шаманству и языку. М.: РГГУ, 190—221.
- Храковский В. С. 2003. Категория таксиса (общая характеристика) // *Вопросы языкознания*, 2003, 2, 32—54.
- Цыпанов Е. А. 2002. *Грамматическая категория залога в коми языке*. Сыктывкар. *Языки мира. Уральские языки*. 1993. М.: Наука.

- Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник.* 2002. М.: Academia.
- Якобсон Р. О. 1957/1972. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // *Принципы типологического анализа языков различного строя.* М.: Наука, 95—113.
- Bybee J. 1998. 'Irrealis' as a Grammatical Category // *Anthropological Linguistics* 40, 257—271.
- Kehajov P. 2002. Typology of Grammaticalised Evidentiality in Bulgarian and Estonian // *Linguistica Uralica*, XXXVIII, 2, 110—117.
- Künnap A. 2002. On the Enets Evidential Suffixes // *Linguistica Uralica*, XXXVIII, 2, 145—153.